

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АДЪЕКТИВНЫХ НОМИНАНТОВ КОНЦЕПТА «СТРАХ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, КЫРГЫЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Н.Т. Чойбекова¹, канд. филол. наук

Р.К. Ормокеева², канд. филол. наук

Г.Г. Кудайбердиева², преподаватель

¹Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева

²Ошский государственный университет

¹(Кыргызстан, г. Бишкек)

²(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-131-136

***Аннотация.** Статья посвящена сопоставительному анализу адъективных номинантов концепта «страх» в русском языке с учётом кыргызского языкового сознания и в сопоставлении с английским языком. Концепт «страх» рассматривается как универсальное ментально-языковое образование, репрезентируемое в языке системой прилагательных, отражающих различные аспекты эмоционального переживания. Особое внимание уделяется семантической дифференциации адъективных номинантов, их функционально-стилистическим особенностям, а также семантическим трансформациям, выходящим за рамки собственно концепта «страх». В ходе исследования выявлены общие семантические группы прилагательных, характерные для всех трёх языков, а также национально-специфические способы языковой репрезентации страха. Установлено, что прилагательные обладают высокой семантической ёмкостью и играют ключевую роль в вербализации интенсивности, оценки и субъективного восприятия эмоционального состояния. Полученные результаты способствуют углублению представлений о механизмах эмоциональной концептуализации и имеют значение для сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии.*

***Ключевые слова:** концепт «страх»; эмоциональная языковая картина мира; адъективные номинанты; сопоставительный анализ; русский язык; кыргызский язык; английский язык; вербализация эмоций.*

Эмоциональная языковая картина мира представляет собой совокупность субъективно-индивидуальных переживаний человека, структурированных вокруг базовых эмоций и репрезентируемых в языке посредством разнообразных лексических, грамматических и синтаксических средств.

Как известно, эмоции человека обладают сложной многокомпонентной природой и трактуются в научной литературе по-разному, выполняя отражательную, регулятивную, когнитивную и иные функции в жизнедеятельности человека [1, с. 26-27]. Среди всего спектра эмоциональных состояний к числу первичных, примитивных эмоций относятся страх, радость и удовольствие. Переживание страха является неотъемлемой частью человеческого существования и не зависит от уровня культурного или социального развития общества. Оно универсально по своей

природе, генетически первично и заложено в психогенезе человека. Чувство страха свойственно как детям, так и взрослым и играло значительную роль в формировании психического состояния первобытного человека.

В то же время, несмотря на универсальность психофизиологической природы страха, способы его выражения существенно различаются. Страх материализуется как языковыми, так и неязыковыми средствами (жестами, мимикой и др.), причем в разных языках и культурах он вербализуется неодинаково. Различия проявляются как в количестве и качестве языковых репрезентантов, так и в объеме их семантики, характере сочетаемости и функциональной нагрузке номинантов.

В психико-языковой картине мира чувство страха занимает одно из центральных мест. Оно стало объектом специального изучения в трудах Н.А. Красавского, который исследовал

языковую репрезентацию концепта «страх» в немецкой и русской лингвокультурах [1, с. 103-111, 162-165, 268-280, 303-327]. Существенный вклад в развитие лингвистической теории эмоций внес также В.И. Шаховский, в фундаментальном труде которого изложены основные положения эмоциональной лингвистики [2, с. 13-258]. Концептуальные установки и методологические подходы указанных исследователей были учтены в настоящей работе.

Важное значение для нашего исследования имели также диссертационные работы С.В. Зайкиной и Л.В. Воронина. Диссертация С.В. Зайкиной посвящена сопоставительному анализу номинантов концепта «страх» в русском, немецком и английском языках [3], тогда как работа Л.В. Воронина представляет собой контрастное исследование данного концепта в английском и русском языках и отличается широтой охвата материала и глубиной анализа [4].

Особого внимания заслуживает монография М.И. Лазариди «Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект» [5, с. 356], в которой подробно рассматриваются основные составляющие макроконцепта «психическое состояние» в рамках номинативно-функциональных полей русского языка (с. 58-87). В данной работе всесторонне охарактеризованы классы и типы номинаций психических состояний человека (с. 102-108), изложены принципы, методы и приёмы их описания (с. 108-121), а также представлены способы экспрессивного выражения психических состояний (с. 121-140). На семасиологическом и лингвоконцептуальном уровнях раскрываются смысловые структуры таких состояний, как «страх» (с. 140-160), «беспокойство» (с. 161-179), «злость» (с. 180-192), «стыд» (с. 193-205), «радость» (с. 206-220) и «грусть» (с. 220-238).

В современной лингвистике концепт рассматривается как сложное ментально-языковое образование, репрезентируемое в языке системой лексических, грамматических и синтаксических средств [6]. Особое место среди эмоциональных концептов занимает концепт «страх», обладающий универсальным характером и отражающий базовые экзистенциальные переживания человека. Несмотря на

универсальность данной эмоции, способы её языковой репрезентации существенно различаются в зависимости от национально-культурных и типологических особенностей языка.

Одним из важнейших средств вербализации концепта «страх» являются адъективные номинанты – языковые единицы, которые прямо или опосредованно выражают содержание концепта в функции прилагательного-определения или именной части составного именного сказуемого. Адъективы характеризуются высокой семантической ёмкостью, поскольку способны передавать не только сам факт переживания страха, но и его интенсивность, причины, внешние проявления, оценку и степень субъективного восприятия.

Настоящее исследование посвящено анализу адъективных номинантов концепта «страх» в русском языке с точки зрения кыргызского языкового сознания, а также их сопоставлению с соответствующими средствами английского языка. Такой трёхязычный подход позволяет выявить как универсальные закономерности концептуализации страха, так и национально-специфические способы его языкового выражения.

В вербализации концепта «страх» участвует целый ряд прилагательных: *страшный, ужасный, жуткий, страшенный, страховидный, страхолюдный, чудовищный, зверский, дьявольский, чертовский, адский, боязливый, пугливый, трусоватый, робкий, несмелый, малодушный* и др. Но эти прилагательные материализуют изучаемый концепт в разных ракурсах и с разных точек зрения, имеют несовпадающие функционально-стилистические особенности. Например, адъективы *жуткий, страшенный, страховидный, страхолюдный, чудовищный* и др. употребляются в обиходно-разговорной речи. Они отличаются друг от друга по выражаемому значению в тексте. По этому критерию мы разграничиваем группы:

- 1) адъективные экспоненты со значением «вызывающий, внушающий чувство страха»;
- 2) адъективы с семой «вызывающий тягостное, мучительное чувство или впечатление»;
- 3) определения, передающие смысл «пугающий своим безобразным, уродливым видом»;

4) прилагательные, выражающие значение «отличающийся чрезвычайной силой, очень большой по степени проявления, интенсивности, по массивности, габариту, широте и размерам охвата и распространения и т.п.»;

5) адъективные лексемы, именующие значения «испытывающий чувство страха, опасения, поддающийся чувству страха».

К первой группе относятся прилагательные *страшный, ужасный, жуткий* (разг). Первое из них употребляется в значении «вызывающий, внушающий чувство страха», второе – «очень страшный, вызывающий чувство ужаса», третье – «очень страшный, вызывающий чувство жути». Последнее употребляется преимущественно в обиходно-разговорной речи. Их киргизские эквиваленты формируются с помощью аффикса *-туу*, прибавляемого к субстантиву *коркунуч* и преобразующего его в адъективное слово.

1. *Андрей Иванович хорошо знал, как он страшен во хмелю* (Вересаев. Два конца). – Андрей Иванович ал масында кандай **коркунучтуу** болорлугун билчү. Краткое прилагательное *страшен* как номинант концепта имеет эквивалент *коркунучтуу* (рассматриваемый в грамматике как адъективное слово или как субстантивное в форме обладат.п.). В данном примере адъектив в краткой форме выполняет функцию сказуемого.

2. *Маша тоже с большим интересом слушала чтение, а в особенно страшных местах даже вскрикивала тихонько* (М. Горький. Трое). – Маша окуганды чоң кызыгуу менен укчу, ал эми өзгөчө **коркунучтуу** жерлерде секин кыйкырып да койчу.

Как видим, русское слово *страшный* соответствует киргизскому *коркунучтуу*.

3. *Сердце падает у самого неробкого человека, кровь стынет, останавливается от страха Так ужасен вид возмущения зимней северной природы* (С.Аксаков. Буран). – Жалтанбас кишинин да жүрөгү түшөт, **корккондуктан** кан уюп, токтоп калат.... Түндүктүн кышкы жаратылышынын жинденүү түрү ушундай **коркунучтуу**. Номинантов изучаемого концепта в этом примере три: *неробкий* – жалтанбас, *страх* – корккондук, *страшен* – коркунучтуу. Адъектив выполняет функцию предиката.

4. *Нет ничего хуже, как переносить бурю, сидя на дне судна да еще взаперти. Наверху*

она просто грозна, здесь ужасна даже для привычного моряка (Новиков-Прибой. Потемному). – Бороонду суднонун түбүндө, дагы култанып өткөрүүдөн жаман эч нерсе жок. Жогоруда ал **үрөйдү учурат**, буерде көнүк моряк үчүн да **коркунучтуу**. В предложении два адъектива со значением «страх»: **грозный - үрөйдү учурат** и **ужасный – коркунучтуу**.

5. *В больших лесах всегда есть что-то таинственное, жуткое. Человек кажется маленьким, затерявшимся* (Арсеньев. По Уссурийскому краю). – Чоң токойлордо сырдуу, **үрөйдү учурган/жүрөк түшүргөн** бир нерсе дайыма бар. Киши кичинекей болуп, жоголгонсуп көрүнөт. В этом предложении адъектив *жуткое* имеет эквиваленты *үрөйдү учурган/жүрөк түшүргөн/сести алган*, передающие сильное проявление страха.

6. *Перед внутренним взором души с поразительной ясностью возникли жуткие картины Цусимского боя* (Новиков-Прибой. Цусима). – Көнүлдүн ички серпимдеринин алдында таң калтырган Цусима кармашуусунун **үрөй учурган** сүрөттөрү пайда болду. В последних двух примерах русским прилагательным соответствуют киргизские идиомы с ключевым компонентом-причастием на –ган/-гөн.

Однако слова **страшный, ужасный, жуткий** в своем употреблении часто выходят за рамки концепта «страх» и становятся носителями других чувств. За пределами концепта «страх» эти три прилагательных номинируют совершенно иные семы. Первое имеет значение «**вызывающий тягостное, мучительное чувство, производящий тягостное, мучительное впечатление**», второе особенно подчеркивает крайне тяжелый, мучительный характер чего-либо (каких-либо событий, происшествий, известий, жизненных обстоятельств, впечатлений и т.д.). Слово *жуткий* употребляется преимущественно в обиходно-разговорной речи.

Ср.: *Гибель Пушкина – страшное событие в истории великой русской литературы* (Федин. О Пушкине). – Пушкиндин өлүмү - улуу орус адабиятынын тарыхындагы *түйшүктүү* окуя. В переводе слово *түйшүктүү* передает мучительно-тягостное впечатление, вызываемое трагической гибелью великого поэта.

Прошлая зима была для жителей Ленинграда **страшной**. Не было света, не было воды, не было дров, не было хлеба (Эренбург. Война). – Былтыркы жыл Ленинграддын жашоочулары үчүн **азаптуу** болду. Жарык жок эле, суу жок эле, отун жок эле, нан жок эле. Данный контекст допускает употребление и слова *коркунучтуу*.

- *Подумайте, что может быть ужаснее, как любить и не быть любимым!* (Тургенев. Отцы и дети). – Ойлоп көрүңүз, сүйүп жана сүйүүгө ээ болбогондон *азаптуураак* эмне болушу мүмкүн! Сравнительная степень прилагательного *ужаснее* подчеркивает крайнюю мучительность состояния человека, любящего кого-то, но не заслуживающего ответной любви.

Для расширения сопоставительного анализа целесообразно привлечь материал английского языка, в котором концепт **fear** также репрезентируется широким кругом адъективных номинантов. Подобно русскому и кыргызскому языкам, английские прилагательные, вербализующие данный концепт, различаются по семантическим оттенкам, стилистической окраске и функциональной нагрузке.

В английском языке адъективные номинанты концепта *fear* могут быть сгруппированы по тем же семантическим критериям, что и в русском языке.

Адъективы со значением «вызывающий, внушающий чувство страха». К данной группе относятся прилагательные **frightening, scary, terrifying, dreadful, horrifying**. Например: *a frightening experience* – пугающий опыт; *a scary story* – страшная история; *a terrifying scream* – ужасающий крик.

Ср.: **The forest looked frightening at night.** – Лес ночью выглядел страшным / *коркунучтуу*.

Как и русское *страшный*, английское **frightening** выполняет функцию предикатива и согласованного определения.

Адъективы с семой «вызывающий тягостное, мучительное чувство». В эту группу входят *terrible, awful, dreadful, horrible*, которые нередко выходят за рамки собственно страха и обозначают общее негативное, мучительное впечатление. Например: *a terrible tragedy* – страшная (тягостная) трагедия; *an awful winter* – тяжелая, мучительная зима.

Ср.: **It was a terrible year for the city.** – Это был страшный / *тяжелый* год для города.

Здесь, как и в русском языке, концепт «страх» ослаблен и трансформируется в значение страдания, лишений, бедствий.

Адъективы со значением «пугающий внешним видом». Английский язык активно использует прилагательные **ugly, monstrous, hideous, grotesque**, которые во многом соответствуют русским *страховидный, страховодный, чудовищный*: *a hideous face* – уродливое, пугающее лицо; *a monstrous creature* – чудовищное существо

Ср.: **The man looked monstrous in the dim light.** – Человек выглядел *страховидным* / *урөйдү учурган*.

В отличие от русского языка, английский чаще использует качественные прилагательные, не прибегая к разговорным экспрессивным формам.

Адъективы с усилительным значением («чрезвычайная степень проявления»). В английском языке усилительное значение выражают **terrible, awful, hellish, devilish**, функционально близкие русским *адский, дьявольский, чертовский*: *a hellish pain* – адская боль; *devilish speed* – дьявольская скорость.

Ср.: **He was suffering from hellish pain.** – Он страдал от *адской* / *тозоктогудай* боли.

Как и в русском языке, данные прилагательные часто используются метафорически и не всегда актуализируют прямое значение страха.

Адъективы со значением «испытывающий страх». Эту группу образуют *afraid, fearful, frightened, timid, cowardly*, соответствующие русским *боязливый, пугливый, робкий, трусливый* и кыргызским *коркок, тартынчаак, жалтанчаак*: *a timid child* – робкий ребенок; *a fearful look* – испуганный взгляд.

Ср.: **She was afraid to speak.** – Она боялась *говорить* / *коркуп сүйлөй алган* жок.

Важно отметить, что в английском языке прилагательное **afraid** преимущественно функционирует в позиции именной части составного сказуемого, в отличие от русского и кыргызского языков, где прилагательные свободно употребляются и в атрибутивной функции.

Семантические трансформации и антонимические отношения. Как и в русском

языке, антонимические прилагательные в английском легко вовлекаются в орбиту концепта «fear» путем отрицания: *brave* → *not brave*, *fearless* → *fearful*

Ср.: **He spoke in a hesitant voice.** – Он говорил несмелым голосом.

Это подтверждает универсальность механизма концептуальной деривации, характерного для разных языков.

Проведённое исследование показало, что концепт «страх» является универсальным эмоциональным концептом, занимающим значимое место в эмоциональной и психико-языковой картине мира человека. Универсальность данного концепта обусловлена общностью психофизиологической природы эмоции страха, однако способы его языковой репрезентации отличаются значительной вариативностью и зависят от национально-культурных, типологических и структурных особенностей конкретных языков. Анализ адъективных номинантов в русском языке с учётом кыргызского языкового сознания и в сопоставлении с английским языком подтвердил, что прилагательные являются одним из

наиболее продуктивных и семантически ёмких средств вербализации данного концепта, позволяя передавать интенсивность, оценку и субъективное восприятие эмоционального состояния.

Сопоставительный анализ выявил наличие общих семантических групп адъективных номинантов в русском, кыргызском и английском языках, что свидетельствует о сходстве базовых когнитивных механизмов концептуализации страха, а также позволил установить национально-специфические особенности его языкового выражения. Особое значение имеют семантические трансформации адъективных номинантов, выходящие за пределы собственно концепта «страх» и приобретающие значения тягостности, мучительности или общей негативной оценки, что подтверждает полисемантическую эмоциональных прилагательных и их роль в расширении концептуального содержания. Полученные результаты способствуют углублению представлений о механизмах эмоциональной концептуализации и вносят вклад в развитие сопоставительной лингвистики и лингвоконцептологии.

Библиографический список

1. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – М., 2008. – 374 с.
2. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – 244 с.
3. Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах: Сопоставительный аспект. Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 22 с.
4. Воронин Л.В. Концепт «страх» в русском и немецком языках: контрастивный анализ на материале произведений М. Булгакова, К. Тухольского и их переводов на английский язык. Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 2005. – 20 с.
5. Лазариди М.И. Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект. – Бишкек, 2011. – 356 с.
6. Лингвистический антропоцентризм: проблемы, поиски и решения / К.З. Зулпукаров, Е.Н. Мурадымова, Р.К. Ормокеева, Г.Ж. Болотакунова, С.М. Амиралиев. – Бишкек, 2019. – 743 с.

SEMANTIC DIFFERENTIATION OF THE SUBJECTIVE NOMINEES OF THE CONCEPT OF "FEAR" (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN, KYRGYZ AND ENGLISH LANGUAGES)

N.T. Choibekova¹, *Candidate of Philological Sciences*

R.K. Ormokeeva², *Candidate of Philological Sciences*

G.G. Kudaiberdieva², *Lecturer*

¹Kyrgyz State University named after I. Arabaev

²Osh State University

¹(Kyrgyzstan, Bishkek)

²(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article is devoted to a comparative analysis of the subjective nominees of the concept of "fear" in the Russian language, taking into account the Kyrgyz linguistic consciousness and in comparison with the English language. The concept of "fear" is considered as a universal mental and linguistic education, represented in the language by a system of adjectives reflecting various aspects of emotional experience. Special attention is paid to the semantic differentiation of the subjective nominees, their functional and stylistic features, as well as semantic transformations that go beyond the scope of the concept of "fear" itself. The study revealed common semantic groups of adjectives characteristic of all three languages, as well as nationally specific ways of linguistic representation of fear. It has been established that adjectives have a high semantic capacity and play a key role in verbalizing the intensity, assessment and subjective perception of an emotional state. The results obtained contribute to the deepening of ideas about the mechanisms of emotional conceptualization and are important for comparative linguistics and linguoculturology.*

Keywords: *the concept of "fear"; emotional linguistic picture of the world; subjective nominees; comparative analysis; Russian language; Kyrgyz language; English language; verbalization of emotions.*